

М.А. Родионов

ЗООМОРФНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КОРАНИЧЕСКОГО УНИВЕРСУМА: ОТ МУХИ ДО СЛОНА

Кратко характеризуются некоторые зооморфные персонажи мусульманской вселенной в коранической трактовке, как они воспринимались аудиторией Пророка Мухаммада. Особое внимание в Коране уделено малым и слабым созданиям — мухе (22: 73), комару (2: 26), пауку (29: 41), муравьям (27: 18–19), пчелам (16: 68–69). Зооморфные персонажи — назидание для людей. Так, слова о том, что Бог поит человека молоком, которое у скота в желудках «между калом и кровью» (*farth wa dam*) (16: 66), издавна используются арабиянами для обозначения социальных групп в традиционной социальной иерархии: *кровь* — для благородных мужей из племен, *содержимое кишечника* — для непривилегированных страт. Неоднократные упоминания о притчах-примерах-пословицах (ед.ч. *mathal*) в Коране делают весьма вероятным предположение о том, что нравоучительные истории с говорящими животными были известны в Аравии задолго до «Калилы и Димны» Ибн ал-Мукаффы (VIII в.). Каждая минимальная структурная единица Корана — *ayat* — служит знаменем божественного всемогущества. Чтобы активизировать нужные ассоциации, не было необходимости в воспроизведении того или иного текста — достаточно было назвать ключевое слово. Упоминание о малых тварях или о корове, собаке, птицах, обезьянах, рыбах, слоне и даже о загадочном «животном из земли» (27: 82) находили заинтересованный отклик у слушателей. А история о ночном путешествии Пророка рождала образ молниеносного крылатого скакуна с человеческим лицом — ал-Бурака (см. рис. 1).

Ключевые слова: культурная память, устная традиция, зооморфные персонажи, коранический универсум, жители Аравии.

Монотеистический универсум Аравии как целостная совокупность творения был кратко рассмотрен автором [Родионов 2015а] с привлечением полевых и литературных данных. В трех предыдущих сборниках «Бестиария» представлены некоторые аравийские антропозооморфизмы: этнокультурный статус коня у бедуинов [Василенко 2014], место змей, птиц, пчел и овец в локальной южноаравийской традиции [Родионов 2009; 2012; 2014а]. Эти публикации дополняет статья о ритуальной охоте на каменного козла-ибекса в Хадрамауте, восходящей к доисламскому прошлому [Родионов 2015б]. Аравийский универсум при всех его локальных особенностях и связях с бо-

лее широким культурным пространством (см., напр.: [Березкин 2007; 2014]) опирается прежде всего на исламские ценности, представляя собой универсум коранический (подробнее см.: [Пиотровский 1991а: 30–43]). В нем существует только одно действующее лицо — Аллах, чьи творения не более чем действующие лица второго или третьего порядка. Далее сделана попытка сжато рассмотреть трактовку основных зооморфных персонажей в Коране без привлечения более поздней исламской традиции, кодифицированной в хадисах и комментариях.

Коранический универсум теоцентричен («Он — творец небес и земли, а когда Он решит какое-нибудь дело, то только говорит ему: “Будь!” — и оно бывает» [К 2: 117]) и сотворен божественным императивом. Но сотворенное Богом антропоцентрично, так как Творец назначил Адама наместником на земле, научил его всем именам, неведомым ангелам, и повелел ангелам поклониться человеку [К 2: 30–34]. Об этом свидетельствует вся история творения: «Он сотворил человека из капли <...>. // И скот Он создал; для вас в нем — согревание и польза, и от них вы питаетесь. // Для вас в них — красота, когда вы их гоните на покой и когда выпускаете. // И перевозят они ваши грузы в страну, которой вы бы не достигли без утомления самих себя. // И коней, и мулов, и ослов, чтобы вы на них ездили, и для украшения» [К 16: 3–8]. Более того: «И подчинил Он вам ночь и день, солнце и луну; и звезды подчинены Его повелением <...> // Он подчинил море, чтобы вы питались из него свежим мясом и извлекали оттуда украшения, которые надеваете. Ты видишь корабли, рассекающие его, чтобы вы искали Его милость <...>» [К 16: 12–14].

Восьмой аят 16-й суры «Пчелы» вызвал к жизни известное утверждение Хорхе Луиса Борхеса: «В Коране не упоминаются верблюды. Арабы, писавшие его, не сочли это необходимым» [Борхес 2012: 204]. Чтобы опровергнуть аргентинского литератора, достаточно привести коранический текст, где верблюды прямо упомянуты (вместе с небом, горами и землей) как убедительное свидетельство могущества Творца: «Разве они не посмотрят на верблюдов, как они созданы, // и на небо, как оно возвышено, // и на горы, как они водружены, // и на землю, как она распростерта?» [К 88:17–20]. Другие упоминания верблюда/верблюдицы см.: [К 7: 73, 17: 59, 22: 27, 26: 155, 54: 27, 91: 13].

Из 114-й сур Корана семь названы именами представителей фауны: сура 2-я «Корова», 6-я «Скот», 16-я «Пчелы», 27-я «Муравьи», 29-я «Паук». 100-я «Мчашиеся» (=Кони) и 105-я «Слон». Животные приводятся и в других сурах как неоспоримое доказательство мудрости и милосердия Аллаха и красоты мироздания.

Особое внимание в Коране уделено малым и слабым созданиям — **мухе** (22: 73), **комару** (2: 26), **пауку** (29: 41), **муравьям** (27: 18–19), **пчелам** (16: 68–69).

В суре «Хаджж» («Паломничество») [К 22:73] говорится: «О люди! Приводится притча — прислушайтесь же к ней! Поистине, те, кого вы призываете помимо Аллаха, никогда не создадут и мухи, хотя бы и собрались вместе для этого. А если у них похитит что-нибудь муха, они не могут отнять у нее.

Слаб и просящий, и просимый». Ничтожен и язычник, и идол, которому он молится.

В суре «Корова» [К 2: 26] сказано: «Поистине, Аллах не смущается приводить некоей притчей комара и то, что больше этого. А те, которые уверовали, знают, что это — истина от их Господа. Те же, которые не верны, скажут: “Чего желает Аллах этим, как притчей?” Он вводит этим в заблуждение многих и ведет прямым путем многих. Но сбивает Он этим только нечестивцев».

Заметим, что самой притчи (досл. *mathal* ‘пример’ или ‘пословица’, см.: [Родионов 2014б: 63–67]) Коран не приводит ни в первом, ни во втором случае. Очевидно, содержание этих притч было хорошо известно слушателям, современникам Пророка Мухаммада. То же самое касается притчи-примера о пауке, объясняющей причину гибели гордых язычников — мадйанитов, адитов и самудян [К 29: 41–43]: «Те, которые взяли себе помимо Аллаха помощников, подобны пауку, который устроил себе дом. А ведь слабейший из домов, конечно, дом паука, если бы они знали! <...> Эти притчи Мы приводим людям, но разумеют их только сведущие». Одновременно с коранической трактовкой паук, согласно исламской традиции [Ruska EI, I: 509a], исполняет функцию чудесного помощника: во время Хиджры из Мекки в Йасриб он спас Пророка Мухаммада и Абу Бекра от преследования курайшитов-язычников, мгновенно заткав паутиной вход в пещеру, где укрылись Пророк и его спутник.

Созданный божественным глаголом коранический универсум наделен даром речи, которым Аллах наделяет того, кого пожелает. Так, в 27-й суре «Муравьи» [К 27: 16–27] мудрый Сулайман с войском из джиннов, людей и птиц (среди последних — удод, разведчик и связной) отправляется в поход, где подслушивает разговор муравьихи с муравьями: «А когда они дошли до муравьиной долины, одна муравьица сказала: “О муравьи, войдите в ваше жилье, пусть не растопчет вас Сулайман и его войска, не замечая этого”. // Он улыбнулся, засмеявшись от ее слов» [К 27: 18–19]. Это, быть может, самый выразительный пример юмора в священном писании мусульман.

В суре «Пчелы» [К 16: 68–69] Бог дает пчеле конкретные указания о том, какой образ жизни она должна вести: «И внушил Господь твой пчеле: “Устраивай в горах дома, и на деревьях, и в том, что они строят; // потом питайся всякими плодами и ходи по путям Господа твоего со смирением”». За два айата до этого [К 16: 66] Аллах предлагает людям задуматься о том, что скот также дан им по милости Творца: «Для вас и в скоте — назидание. Мы поим вас из того, что у них в желудках между калом и кровью (*farth wa dam*. — М.Р.), молоком чистым». В Южной Аравии (например, в Хадрамауте) слова «кал и кровь», или, точнее, «содержимое кишечника и кровь», издавна используются для обозначения социальных групп в традиционной социальной иерархии: кровь (*dam*) — для благородных мужей из племен, содержимое кишечника (*farth*) — для представителей непривилегированных страт.

Неоднократные упоминания о притчах-примерах в Коране [The Holy Qur-ān: 2069–2070] делают весьма вероятным предположение о том, что нравоучительные истории с говорящими животными были известны в Аравии задолго до «Калилы и Димны» Ибн ал-Мукаффы (VIII в.), арабского литератора персидского происхождения.

Изучение коранического универсума приближает человека к пониманию замысла Творца, создавшего мир не только умопостигаемым, но и красивым — от небесных зодиакальных созвездий-башен («Уже устроили Мы в небе башни и разукрасили их для смотрящих» [К 15: 16]) до земного мира («Мы сделали то, что на земле, украшением для нее, дабы испытать их» [К 18: 7]). Божье творение прекрасно, включая животных; например **корову**, давшую название 2-й суре: «Она — корова желтая, светел цвет ее, радуется она смотрящих» [К 2: 69].

Красоту мира Коран отражает и в живых деталях, с помощью которых в нем описаны некоторые животные: **собака** спящих отроков («И собака их растянула лапы на порог» [К 18: 22]), или прерывисто дышащая собака, с которой сравнивается неверующий в очередной притче-примере («...и подобен он собаке: если бросишься на нее, высовывает язык и, если оставишь ее, высовывает» [К 7: 176]), или парящие **птицы** («Разве они не видят птиц над ними, расширяющими (крылья), а потом — сжимают. Никто их не держит, кроме Милосердного» [К 67: 19]).

Творец разделил человечество на социальные общности: «О люди! Воистину Мы создали вас от мужчины и женщины и сделали народами и племенами (ед.ч. sha'b; qabā'il. — М.Р.), чтобы вы познали друг друга» [К 49: 13]. Подобным же образом организованы и другие живые существа: «Нет животного на земле и птицы, летающей на крыльях, которые не были бы общинами (ед.ч. umma. — М.Р.), подобными вам» [К 6: 38]. Словом *umma* с эпохи Пророка обозначается община верующих, а в современном языке еще и нация.

За неверие Аллах уничтожил несколько народов [Родионов 2014б: 21–23], некоторых грешников превратил в животных — **обезьян** или **свиней**. В основном это касалось тех, «кому было дано нести Тору, а они ее не понесли, подобны ослу, который несет книги» [К 62: 5]: нарушали день субботный [К 2: 65] или пищевые запреты [К 6: 146]. Подробнее об этом сказано в [К 7: 163–166]: «И спроси у них о селении, которое было около моря, как они преступали в субботу, когда приходили к ним их рыбы в день субботы, поднимаясь прямо. А в тот день, когда они не праздновали субботы, они не приходили к ним. Так Мы испытываем их <...> // Когда же они преступили то, что им запрещали, Мы сказали им: “Будьте обезьянами презренными!”». В первое и второе издание перевода И.Ю. Крачковского вкралась досадная опечатка: вместо «их рыбы в день субботы» напечатано «их рабы» [Коран 1986: 163]. В целом эта кара постигла тех, «кого проклял Аллах и на кого разгневался, и сделал из них обезьян и свиней, и кто поклонялся *тагуту*» [5: 60], где *ṭāghūt* — это языческие обычаи, идолы.

Злополучные «**рыбы**» обозначены в Коране [7: 166] как *ḥītān* — мн.ч. от *ḥīt*; последняя форма упомянута в истории пророка Йунуса (библейского Ионы), или Зу-н-Нуна: «Его проглотила рыба, когда он был достоин порицания. Если бы он не был одним из прославляющих Аллаха, то непременно остался бы в ее чреве до того дня, когда они будут воскрешены» [К 37: 142–144]. Если по библейской традиции, Иона пребывал три дня и три ночи во чреве кита [Ион.1:1–16, 2:1–10], огромного морского чудовища, то для большинства толкователей Корана, как, например, для современных богословов

Рис. 1. Ал-Бурак, египетская народная картинка. XX в.

из Саудовской Аравии, Йунуса проглотила большая пресноводная рыба из рек Месопотамии или, может быть, крокодил [The Holy Qur-ān: 1362, прим. 4122]. Аллах посылал рыб, чтобы испытать благочестие людей, или птиц, чтобы покарать грешных «владельцев слона», как в суре «Слон» [К 105: 1–5], или научить первого братоубийцу, как предавать тело земле («И послал Аллах ворона, который разрывал землю, чтобы показать ему, как скрывать скверну его брата» [К 5: 31]).

Исламская традиция гораздо богаче на яркие, часто фантастические подробности, чем собственно кораническая. Так, **слон** в Коране лишь упомянут [К 105: 1], а в исламском предании слон отказывается идти на Мекку с войском завоевателей и даже говорит; годом Слона считается 570 г., в который родился Пророк [Beeston EI, II: 895].

А чудесное верховое животное **ал-Бурак**, один из самых популярных персонажей исламской устной и письменной традиции — хадисов, стихотворений, книжных миниатюр, народных картинок (рис. 1) — вообще не упомянут в суре «Перенес ночью», где воздается хвала Аллаху: «Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленную <...> чтобы показать ему из наших знамений» [К 17: 1]. Первые комментаторы считали, что это животное — просто лошадь, или нечто среднее между ослом и мулом, но позднее фантазия толкователей наделила «блистающего» молниеподобного ал-Бурака крылышками на ногах и человеческим лицом [Paret EI, I: 1310–1311; Пиотровский 1991б: 43].

Решающим знамением последних времен в Коране (сура «Муравьи») служит хтонический Зверь: «А когда падет на них слово, Мы выведем им животное из земли, которое заговорит с ними — с людьми, которые не были убеждены в наших знамениях» [27: 82]. Но и этот текст кажется тезисным на фоне соответствующей картины из Апокалипсиса (Откровение Иоанна Богослова), на которую указывал И.Ю. Крачковский [Коран 1986: 586, примеч. 22]. Приведем ее с минимальными сокращениями: «1. И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные. 2. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него как у медведя, а пасть у него как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть. 3. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелена. И дивилась вся земля, следя за зверем; и поклонились дракону, который дал власть зверю. 4. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним? 5. И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. 6. И отверз он уста свои для хулы на Бога <...> 8. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира <...> 11. И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. 12. Он действует пред ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела, 13. и творит великие знамения <...> 15. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. 16. И он сделает то, что всем... положено будет начертание на правую руку их или на челе их, 17. и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. 18. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» [Апок. 13: 1–18].

В заключение отметим, что знамениями, или знаками Бога, выступают не только зооморфные, но и любые персонажи коранического универсума. Так, самые пассивные и «неодушевленные» объекты (например, горы) могут действовать и чувствовать по воле Творца и вступать с Ним в диалог. В неоднократно цитировавшейся сура «Муравьи» говорится о горах как знамени Аллаха: «И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными, — вот они идут, как идет облако по деянию Аллаха, который выполнил в совершенстве все» [К 27: 88]. В сура «Собрание» добавлено: «Если бы Мы низвели этот Коран на гору, ты бы видел ее смиренно расколовшейся от страха перед Аллахом. Таковы притчи, которые Мы предлагаем людям, — может быть, они одумаются!» [К 59: 21].

К небесам, земле и горам обращался Творец в аяте, вызвавшем разноречивые трактовки у толкователей — исламских богословов и европейских ученых: «Мы предложили залог (amān) небесам, и земле, и горам, но они отказались его понести и утрашили его; понес его человек — ведь он был обидчиком, неведающим» [К 33: 72]. Amān, переведенный на рус-

ский И.Ю. Крачковским как «залог» [Коран 1986: 594, примеч. 32], не менее емко передан саудийскими комментаторами по-английски как *trust* [The Holy Qur-ān: 1268–1269, примеч. 1379] в значении «вера», «доверие», «надежда», «долг», «обязательство», «ответственность».

Итак, небеса, земля и горы устрашились ответственности, которую предлагал им Создатель, и возложена она была на грешного и ограниченного человека, которому необходимо постоянно напоминать, что всех тварных персонажей коранического универсума, включая зооморфных, объединяет одно главное качество — богобоязненность. К богобоязненным верующим обращены все знаки-знамения (ед.ч. аууа) Аллаха, суммированные в суре «Скот» [К 6: 95–99] («Поистине, в этом — знамения для людей, которые веруют»), от пути зерна до расчисленных планет — Солнца и Луны, утренней зари, ночи, путеводных звезд во мраке суши и моря и животворящего дождя. Собственно говоря, каждая минимальная структурная единица Корана — *айат*, с помощью которой описан коранический универсум, служит чудесным знаменем божественного всемогущества. Кораническая речь, обращенная к современникам Пророка, апеллировала к их культурной памяти, хранящей назидательные легенды, притчи, пословицы и стихи. Чтобы активизировать нужные ассоциации, не было необходимости в воспроизведении того или иного текста — достаточно было назвать ключевое слово. Слова «муха», «комар», «паук», «муравей», «пчела» оживляли в памяти аравитян нравоучительные рассказы о малых и слабых. Коранические упоминания о корове, собаке, птицах, обезьянах, рыбах, слоне и даже о загадочном «животном из земли» так же находили заинтересованный отклик у слушателей. А чудесное ночное путешествие Пророка Мухаммада рождало в их сознании образ молниеносного крылатого скакуна и наделяло его соответствующим именем.

Для мусульман эпохи Пророка Мухаммада Коран — это прежде всего сумма звучащих слов Аллаха, переданная Творцом с помощью механизма устной традиции через двух последовательных посредников-*рави*, архангела Джibriла и Пророка. Называя Коран Священным Писанием, исследователи сужают смысл слов *al-Qur-ān al-karīm* — благородное чтение [вслух], т.е. рецитация, рассчитанная на непосредственную реакцию слушателей, как всякая социальная презентация в аравийском обществе, на которой звучит мерная речь. Дав импульс развитию одной из самых богатых письменных традиций человечества, Коран не прибегает к литературным ухищрениям — линейной композиции, формальным связям между сурами и т.д. Его айаты как самодостаточные знаки-знамения прекрасного божьего мира не нуждаются в фигуративном посредничестве — антропоморфных и зооморфных статуях, рельефе, фреске, мозаике, художественной вышивке — наследии языческого прошлого и вечном искушении для идолопоклонников.

Библиография

Березкин Ю.Е. Три кита: мотив опоры земли в европейском фольклоре и его восточноазиатские параллели // АБ — 60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 298–317. (Studia ethnologica. Вып. 4).

Березкин Ю.Е. Зооморфная опора земли: южноазиатский след // Зографский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Я.В. Васильков и М.Ф. Альбедиль. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 11–49.

Борхес Х.Л. Борхеизмы. Верблюды / Пер. П. Грушко // Иностранная литература. 2012. № 4. С. 204.

Василенко М.И. Битвы, герои, богатство: кони в культурном пространстве Аравии // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. Сб. статей / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 195–203.

Калила и Димна / Пер. с араб. И.Ю. Крачковского, И.П. Кузьмина, вступит. ст. и примеч. И.Ю. Крачковского. М.: Восточная лит-ра, 1957. 281 с.

Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М.: Восточная лит-ра, 1963; 1986. 727 с.

Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991а. 218 с.

Пиотровский М.Б. ал-Бурак // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991б. С. 43.

Родионов М.А. О змеях и птицах в Долине смерти (Хадрамаут) // Азиатский Бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. Сб. статей / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 170–176.

Родионов М.А. Пчелы Хадрамаута, или Вергилий в Южной Аравии // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. Сб. статей. Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 232–240.

Родионов М.А. Овцы и дикие пчелы в культурной памяти Хадрамаута // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. Сб. статей. / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2014а. С. 211–214.

Родионов М.А. Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут. СПб.: МАЭ РАН, 2014б. 151 с. (Kunstkamera Petropolitana).

Родионов М.А. Основы арабийского универсума: дождь между небом и землей // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2015а. С. 53–57.

Родионов М.А. Ритуальная охота на ибекса (полевые материалы йеменских экспедиций МАЭ) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. СПб.: МАЭ РАН, 2015б. С. 255–269. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Beeston A.F.L. Al-Fīl. EI. Vol. II: 895 // Encyclopedia of Islam. CD-ROM Edition. Koninklijke Brill NV, Leiden, 1999.

The Holy Qur-ān. English translation of the meanings and Commentary. Al-Madīnah: King Fahd Holy Qur-ān printing Complex, 1410 H.

Paret R. Al-Burāq. EI. Vol. I: 1310–1311 // Encyclopedia of Islam. CD-ROM Edition. Koninklijke Brill NV, Leiden, 1999.

Ruska J. 'Ankabūt. EI. Vol. I: 509a // Encyclopedia of Islam. CD-ROM Edition. Koninklijke Brill NV, Leiden, 1999.